

новиль для жизни, не выходящей изъ единственно правильныхъ нормъ, есть двойственность, есть противорѣчіе, подобное тому, которое мы отмѣтили относительно исповѣданія имъ своей вѣры. Религія вдохновенная, безсознательная, и религія, сплошь осознанная разсудкомъ, огражденная его рогатками, встрѣчасть нась и здѣсь. Измученность отъ блужданій въ пустотѣ и безвѣріи, взрывы потрясающей тоски и душевной боли сдѣлали то, что писатель, какъ защиты отъ этихъ бурь и грозъ, отъ этихъ казней, избралъ категорическую сухую нравственную догму. Онъ призналъ надъ собой страшную карающую руку того, кого онъ назвалъ Хозяиномъ міра, и послѣшилъ вывести всѣ нормы поведенія—работника, человѣка. Взаимоотношенія повелителя души и тѣла, давшаго законы человѣческой жизни, и работника, исполняющаго ихъ безпрекословно,—возвелъ Толстой въ основной принципъ своего ученія о жизни.

Въ то же время, воспринимая свой свѣтъ не только мыслью, но и горячимъ чувствомъ, онъ же оставилъ цѣлый рядъ указаний на жизнь религіозную, сущность которой въ неизъ произвольномъ, личномъ, радостномъ слiяннiи человѣческаго «я» съ единой истиной Бога. Мы обратимся вначалѣ къ разсмотрѣнiю положенiй объ обязательныхъ нравственныхъ нормахъ жизни, выведенныхъ разсудочно.